

В этот раз Цзянь Сунъи действительно сдал экзамены отлично.

С китайским все было просто: стоило лишь умерить фантазию в открытых вопросах, а в сочинении — придержать при себе личное мнение, как заветные лишние десять баллов оказывались у него в кармане.

С остальными тремя предметами проблем и вовсе не предвиделось — они всегда давались ему легко, оставалось лишь написать их на привычном высоком уровне.

К тому же ему сказочно повезло: Хуанфу И сдавал в той же аудитории, причем устроился совсем неподалеку. Цзянь Сунъи расправлялся с тестами раньше срока и с тихим восторгом наблюдал за страданиями соседа. На лице Хуанфу И отчаяние сменялось ступором, ступор — новой волной отчаянной борьбы, пока разум бедолаги окончательно не улетучивался в астрал. От этого зрелища на душе у Сунъи становилось на редкость тепло и радостно.

А когда на душе легко, то и сложные задачи щелкаются как орешки.

За два дня экзаменов они с Бо Хуаем ни разу не пересеклись. Отправленное в WeChat сообщение висело без ответа до самой ночи, пока от него наконец не пришло лаконичное: «Ясно».

«Какая неблагодарная и холодная скотина», — ворчал про себя Цзянь Сунъи.

Поэтому в следующие два дня самостоятельных занятий он не сделал ни единой попытки заговорить первым. Цзянь Сунъи не устраивал сцен и не демонстрировал ледяное презрение — он просто выглядел вялым и безучастным, всем своим видом показывая: «Ваш покорный слуга сегодня не в духе».

Бо Хуай прекрасно понимал причину этого недовольства, но пускаться в объяснения не спешил. Были вещи, которыми он не любил делиться, тем более с Цзянь Сунъи.

Зачем выставлять на всеобщее обозрение то, что нужно просто стряхнуть с плеч и забыть? Осевший на душе сор не заслуживает того, чтобы разглядывать его при ярком свете дня.

Между ними сама собой установилась негласная, звенящая прохлада.

Никаких ссор, никаких взаимных подколов — только молчаливое, обоюдное упрямство.

Даже Сюй Цзясин почуял неладное.

Обычно его соседи сзади — два местных авторитета — знатно пикировались, причем за словесную атаку отвечал неумный брат Сун. Но их внезапная гробовая тишина пугала куда

больше обычных перепалок. У Сюй Цзясина даже мурашки по спине бежали.

Он невольно вспомнил ту безумную утреннюю сделку, когда на кон была поставлена мужская гордость, авторитет и право зваться «папой».

Результаты экзаменов вот-вот объявят, и станет ясно, кому придется признать чужое отцовство. Неудивительно, что тучи над их партами сгустились до предела.

Сюй Цзясин, как образцовый одноклассник, чистая душа и верный товарищ, счел своим священным долгом растопить этот лед.

Набравшись храбрости и напроць забыв о чувстве самосохранения, он пихнул локтем соседа, Ян Юэ, и обернулся к задней парте:

— Слышите, в PUBG троих не хватает. Папаши, сгоняем катку?

— Окстись, — сурово осадил его Ян Юэ. — Сегодня на вечернем дежурстве старина Пэн. Тебе мобильник надоел или мечтаешь завтра зачитывать покаянную речь перед всей школой на утренней линейке?

Цзянь Сунъи полностью разделил его опасения.

Ровно через пять минут вся четверка дружно десантировалась на Сосновку.

Едва коснувшись земли, Цзянь Сунъи сцапал дробовик и принялся укладывать врагов пачками. Бо Хуай без оптики зажал спреем еще двоих. Вражеский сквад лег в полном составе, не успев даже пикнуть.

Сюй Цзясин и Ян Юэ, едва успевшие разжиться одной сковородкой на двоих, застыли в немом шоке:

—???

— Папа, спаси! Рядом враги! Их тут тьма! А-а-а-а! — истошно завопил в наушниках Сюй Цзясин.

— Заткнись, — процедил Цзянь Сунъи, не отрывая взгляда от экрана. — У меня под дверью кто-то топает.

— Хнык... Не хочу опять в лобби отлетать! Папуля, неужели у тебя сердце не сожмется при виде того, как твой двухметровый сын горько плачет навзрыд?

Бо Хуай мельком оценил лут Цзянь Сунъи и негромко скомандовал Сюй Цзясину:

— Дай инфу, кинь дым. Иду к тебе.

— Принял, спасибо, отэц! Здание «С»...

— Бо Хуай, стой, не суйся туда...

Договорить Цзянь Сунъи не успел — в наушниках оглушительно бабахнуло.

На экране всплыло системное уведомление:

[Игрок «Милашка Сюй» подорвал гранатой «Б. С.»]

—...

[Игрок «АК789» нокаутировал «Милашку Сюя»]

[Игрок «АК789» нокаутировал «Ян Шаньцю»]

После трех секунд гробового молчания Сюй Цзясин запричитал:

— Прости, папа Бо! Я думал, что даю тебе дымовую завесу, а этот гад Ян Юэ подсунул мне хаешку!

—...

Цзянь Сунъи покосился на Бо Хуая. Вид у того был непередаваемый — смесь полнейшего онемения и тщательно подавляемого желания разразиться отборной бранью. Сунъи не выдержал и хмыкнул:

— Я же говорил: не суйся. У нас с Сюй Цзясином золотое правило: в начале катки приносить его в жертву богам рандома, иначе никакого фана. Повиси пока, сейчас папочка раскидает этот сброд и поднимет тебя.

С этими словами он углубился в процесс. Ловким выстрелом из дробовика срезал противника, пытавшегося обойти его с фланга, оперативно залутал его ствол и рванул на штурм второго этажа.

Каждая пуля летела точно в голову. Чистейший, запредельный скилл.

Тот самый наглец под ником «АК789», посмевавший положить его команду, отправился в лобби следующим же экспрессом.

Цзянь Сунъи уже предвкушал заслуженные восторги и крики восхищения, но в наушниках царила странная тишина. Вместо этого Бо Хуай пару раз ткнул его локтем в бок, а затем легонько потянул за край футболки.

Цзянь Сунъи раздраженно отмахнулся:

— Да отвяжись ты! Слился — сиди смирно и не мешай бате тащить катку.

—...

Тишина в классе стала угрожающей. Сунъи уловил спиной легкий сквознячок неладного.

Он медленно поднял взгляд от экрана.

Сюй Цзясин и Ян Юэ с невероятным рвением строчили что-то в тетрадах, уткнувшись носами в парту. Лицо Бо Хуая выражало полнейшую покорность судьбе. А у самого края их стола выросла монументальная преграда — знакомый до боли живот: округлый, внушительный и упругий.

Обладатель этого величия улыбался на редкость ласково и одновременно зловеще:

— Мобильные телефоны на стол, молодые люди. И начинайте мысленно набрасывать покаянную речь для завтрашней торжественной линейки.

—...

Учебный год начинался только завтра, но Пэн Минхун твердо вознамерился взять выпускников в ежовые рукавицы. А поскольку Цзянь Сунъи уже не в первый раз дерзко лез на рожон, его с огромным удовольствием решили сделать наглядным пособием для нарушителей дисциплины.

Ладно, запасной смартфон дома лежал, это полбеды.

Терзаемые муками совести и паническим страхом перед гневом босса, Сюй Цзясин и Ян Юэ, не дожидаясь лишних слов, спешно накатали текст извинения и робко подложили его Сунъи на парту.

Вот только выступать завтра у микрофона перед всей школой вместо него никто бы не смог. Молодому господину Цзяню суждено было пережить публичный позор.

Новые обиды наслоились на старые счета. Красивое лицо юноши превратилось в ледяную маску, и за весь вечер — включая обратную дорогу домой — он не удостоил Бо Хуая ни единым словом.

Бо Хуай едва сдерживал смех, хотя и понимал: если палку перегнуть, гордый мальчишка замкнется в себе окончательно, и тогда пиши пропало — вовек не подступишься.

Да и как к нему подступиться? Начни он сейчас утешать его — этот упрямец наверняка решит, что над ним издеваются и злорадствуют.

Ситуация балансировала на грани критической.

Когда они приехали, Сунъи выскочил из машины и хлопнул дверью с такой силой, что едва стекла не вылетели.

Бо Хуай, пряча улыбку, обошел автомобиль и нагнал бушующий ураган у самой калитки:

— Помощь твоя нужна.

— Ха!

— Завтра на линейку нужно обязательно прийти в школьной форме. Мой комплект выдадут только после обеда, так что Пэн Минхун велел одолжить у тебя запасной.

Не проронив ни звука, Цзянь Сунъи повернул ключ в замке и демонстративно шагнул в дом.

Дверь он, впрочем, за собой не захлопнул. Бо Хуай, непринужденно засунув руки в карманы, привалился к косяку и с мягкой улыбкой наблюдал за тем, как парень разувается, небрежно швыряет рюкзак и взлетает по лестнице на второй этаж. Попутно он не отказал себе в удовольствии полюбоваться ладной фигурой друга, абсолютно не беспокоясь о судьбе злополучной формы.

Ожидания оправдались: через минуту Сунъи вернулся со стопкой сине-белой олимпийки и брюк в руках. Он бесцеремонно швырнул вещь Бо Хуаю в грудь и схватился за ручку, собираясь захлопнуть дверь перед его носом.

Но длинная стройная нога в последний момент преградила ему путь.

Цзянь Сунъи огрызнулся:

— Ну и чего тебе еще? Может, на чай пригласить?

«Было бы неплохо», — лениво подумал Бо Хуай.

Однако испытывать судьбу и злить парня еще сильнее он не стал. Перехватив форму одной рукой, он второй осторожно поймал Сунъи за запястье и вложил что-то в его ладонь.

— Моя вина, что не успел предупредить про старину Пэна на уроке. Прими в знак примирения.

Сунъи опустил взгляд. На ладони лежала завернутая в вощеную бумагу конфетка — та самая молочная помадка, которую он обожал в детстве. Когда у него выпадали молочные зубы, госпожа Тан строго-настрого запретила ему сладкое. Маленький Сунъи изнывал от желания, и Бо Хуай изо дня в день тайком отдавал ему свою долю. А потом бдительно следил, чтобы сообщник тщательно почистил зубы — во избежание улик.

Прошло десять лет, и найти это лакомство в магазинах теперь было практически невозможно.

В груди Цзянь Сунъи разлилось странное, щмящее тепло.

Раздражение испарилось, уступив место мягкой капитуляции. И все же сдаваться так быстро не хотелось — это казалось малодушным. Он злился на себя за то, как легко растаял от банального жеста, смущался, досадовал и отчаянно пытался скрыть это смятение. Но сорваться на крик больше не поднималась рука.

Ему оставалось только напустить на себя как можно более грозный вид и буркнуть:

— Решил конфетой откупиться? Думаешь, я тебе ребенок малый?

И он поспешно захлопнул дверь.

Он давно вырос из возраста, когда безумно тянет на сладкое, да и вообще не особо жаловал десерты. Тем не менее выбросить подарок рука не поднялась. Поднявшись к себе, он бережно опустил конфету на прикроватную тумбочку.

Бо Хуай, прижимая к себе комплект формы, которая явно пахла ее хозяином, опустил голову и тихо хмыкнул.

«Конечно же, конфеты покупают для детей», — мысленно подтвердил он.

Увы, Бо Хуай был еще слишком наивен и сильно недооценил глубину вековой вражды, разделявшей их.

Стоило Цзянь Сунъи подняться на сцену актового зала перед лицом всей школы и развернуть

лист со своим покаянием, как вся магия этой несчастной конфетки улетучилась к чертовой матери.

Он дал себе клятвенный зарок больше никогда в жизни не иметь никаких дел с этим типом.

Моноotonно зачитав текст под копирку, он сошел с трибуны. На лице его застыла мрачная мина, а волны тяжелой, колючей ауры, буквально кричащей: «Убью любого, кто подойдет ближе», не оставляли сомнений в том, что молодой господин Цзянь пребывает в ярости.

Однако толпе школьников у сцены это ничуть не мешало неистово аплодировать и визжать от восторга.

Чертовски хорош собой! Высокий, статный — даже с этим убийственным выражением лица он выглядел как модель с обложки.

Кое-кто из первоклассников-омежек, впервые разглядевших легендарного школьного лидера с такого близкого расстояния, умудрился расслышать в сухой казенной объяснительной интонации пылкое признание. Они едва не падали в обморок от нахлынувших чувств.

Наблюдая этот балаган, Пэн Минхун помрачнел и твердо решил пресечь падение школьных нравов на корню.

Дождавшись, пока Цзянь Сунъи отойдет от микрофона, он жестом приказал ему остаться на сцене.

Пэн Минхун перехватил микрофон и заговорил громовым, обличающим тоном:

— Сегодня я заставил ученика Цзянь Сунъи подняться сюда исключительно ради того, чтобы вы все увидели пример злостного нарушителя! На пороге нового учебного года каждый из вас должен проявить дисциплинированность и отсеять любые соблазны! Все мысли должны быть только об учебе! Ну и что толку с вашей смазливой внешности? Какая польза от того, что вы сутками напролет стреляете в своих игрушках? Разве это поможет вам поступить в Бэйчэнский университет или Хуацин? Нет! Поэтому призываю всех сделать выводы и не следовать примеру Цзянь Сунъи, который ни во что не ставит школьные правила!

Окончив тираду, он передал микрофон старине Баю, а сам опустился на стул неподалеку, буравя школьников яростным взглядом грозного божества.

Старина Бай, нимало не смутившись, добродушно усмехнулся в микрофон:

— Прежде всего, спешу поделиться прекрасной новостью. По итогам недавней совместной олимпиады пяти лучших школ наши выпускники показали блестящие результаты! Первая и вторая строчки рейтинга принадлежат ученикам Наньвая. Поздравляем Бо Хуая и Цзянь

Сунъи из первого класса! Равняйтесь на лучших, ребята!

Только-только присевший сделать глоток воды товарищ Пэн Минхун едва не поперхнулся:

—...

По рядам прокатился дружный смешок. Какой-то отчаянный парень из задних рядов крикнул во весь голос:

— Учитель Бай! Так нам в итоге нужно брать пример с Цзянь Сунъи или нет?

Старина Бай всегда горой стоял за своих учеников. Зная ранимое самолюбие Цзянь Сунъи, он решил вернуть ему поправное достоинство с лихвой:

— Ну что, ученик Цзянь Сунъи, поделишься секретом успеха со своими младшими товарищами?

Цзянь Сунъи с абсолютно невозмутимым лицом подошел к микрофону:

— Я бы хотел сказать лишь одно: если ты чертовски хорош собой, это действительно помогает поступить в Бэйчэн или Хуацин.

— П-ф-ф!..

Линейка взорвалась громом хохота, который школьники безуспешно пытались сдержать.

Решив, что на сегодня с него довольно потрясений, Пэн Минхун достал из кармана ампулу успокоительной микстуры и осушил ее одним махом.

Цзянь Сунъи, сохранив каменное выражение лица, окинул взглядом собравшихся и сразу наткнулся на Бо Хуая.

Тот был одет в такую же безразмерную сине-белую олимпийку, но умудрялся выглядеть в ней так, словно сошел с подиума.

«До чего же этот тип любит мозолить глаза. Бесит», — поморщился про себя Сунъи.

Будто почувствовав его взгляд, Бо Хуай вскинул голову и посмотрел прямо на трибуну.

Их взоры встретились над головами двухтысячной толпы.

В это мгновение Цзянь Сунъи пронзила мысль: кто же из них все-таки вырвался вперед? Кто первый, а кто второй?

«Наверняка же я лидер, — лихорадочно размышлял он. — Неужели мне и вправду придется признать этого гада отцом? Да я скорее сквозь землю провалюсь!»

— Отдельно хочется отметить ученика Бо Хуая, — донесся из колонок бодрый голос Бая. — Впервые сдавая наши городские тесты, он с ходу взял абсолютное золото! Школа выражает ему особую благодарность!

—...

— Ха.

Школьники, стоявшие ближе всех к сцене, поежились от внезапно повеявшего могильного холода.

К моменту возвращения в класс выражение лица Цзянь Сунъи могло соперничать по суровости с арктическими ледниками.

Но «Милашка Сюй», начисто лишенный инстинкта самосохранения, уверенно шел навстречу гибели. Бесстрашно достав припрятанный в рукаве смартфон, он сунул его Сунъи под нос:

— Брат Сун, глянь на школьный форум! Там итоги голосования за звание главного красавца подвели.

На небольшом дисплее четко выделялся жирный заголовок:

[Первый ежегодный конкурс красоты в Наньвае завершен! Поздравляем победителя — Бо Хуая из первого класса выпускного года!]

—...

Заметив, как опасно заходили желваки на лице друга, Сюй Цзясин торопливо затараторил:

— Брат Сун, да это голосование вообще липа! Дедушка Бо ведь перевелся из Ичжуна, так за него их бывшие однокашники толпой набежали проголосовать по старой дружбе. Сам посуди, у них на одной параллели тысяча человек учится, против такой оравы у нас не было шансов! Если брать чистые голоса нашей школы, ты его всухую сделал!

Но слово «проиграл» сейчас действовало на Цзянь Сунъи как красная тряпка на быка. Он

вздернул бровь и опасно прищурился:

— Что еще за бред? С чего ты решил, будто я проиграл?

Поняв, что разговор пахнет неминуемой расправой, Сюй Цзясин судорожно перевел тему на безопасную стезю:

— Да ладно тебе... Зато каков Дедушка Бо, а? Взял первое место среди пяти лучших школ города! Силен бродяга. Видал, как Пэн Минхуна перекосило от досады? Красота!

—...

Одноклассники мысленно начали собирать деньги на венок для несчастного Сюй Цзясина.

Цзянь Сунъи выудил из недр парты толстый учебник и со всей силы швырнул его на столешницу. От грохота ручка покатилась к краю и свалилась на пол.

Бо Хуай невозмутимо наклонился, поднял ручку и положил обратно:

— Книга-то в чем виновата?

Цзянь Сунъи демонстративно зашуршал страницами, полностью его игнорируя.

Бо Хуай насмешливо вскинул брови:

— Ну и? Собираешься пойти на попятную или духу не хватает признать долг?

Пальцы Цзянь Сунъи с такой силой вцепились в лист бумаги, что костяшки побелели. Спустя пару секунд он медленно выдохнул, заставляя себя успокоиться, и процедил с издевкой:

— Раз уж ты набрался наглости это слушать — я готов. Только помни: в следующий раз должок вернешь сполна.

Бо Хуай с готовностью склонил голову и принялся неторопливо выстукивать ритм пальцами по столу, всем своим видом показывая: «Я весь внимание».

Назад дороги не было.

«Ладно, — уговаривал себя Сунъи. — Мужик сказал — мужик сделал. Договор дороже денег».

Он стиснул зубы, набрал в легкие побольше воздуха и мысленно приготовился к худшему. Его губы беззвучно зашевелились, пытаясь сложить первый слог заветного слова, но проклятый звук застрял в горле мертвым грузом.

С этого ракурса Бо Хуай отчетливо видел, как у парня напряженно бьется жилка на виске, а уши медленно наливаются густым пунцовым цветом.

«Если перегну палку сейчас, он мне этого никогда не простит», — решил Бо Хуай.

Бо Хуай вовремя нажал на тормоза. Он небрежно пододвинул ручку обратно к Суньи и великодушно бросил:

— Да ладно, забей. Будем считать это платой за аренду школьной формы. На этот раз прощаю.

Сюй Цзясин, который последние пару минут мысленно прощался со всей серьезностью с жизнью из-за своего длинного языка, облегченно выдохнул. Он поспешно отвернулся и уткнулся носом в тетрадь, делая вид, что полностью растворился в пространстве.

Остальные невольные свидетели драмы дружно последовали его примеру, усердно изображая гранит науки.

В классе наконец-то воцарился относительный покой.

Цзянь Суньи как раз пытался разгадать, с какой это стати эта высокомерная скотина вдруг вспылала к нему милосердием, когда «милосердный» гад склонился к самому его уху.

— Только на этот раз, — прошептал Бо Хуай с тихим смешком. — В следующий раз поблажек не будет. И условия буду диктовать я.

Его дыхание — интимное, обжигающе теплое — коснулось ушной раковины и скользнуло ниже, к шее. Кожа мгновенно вспыхнула, покрывшись мурашками.

Этот жар заставил сердце Суньи забиться в бешеном ритме, а внутри мгновенно вскипела ярость.

Провокация!

Чистейшей воды провокация!

Он еще и издевается, нашептывая гадости прямо на ухо!

Вы только посмотрите на этого щеголя в золотых очках-нулевках! Вылитый подонок в костюме джентльмена, лицемерная тварь!

Какое еще «в следующий раз»?

Этому не бывать.

Цзянь Сунъи никогда, ни при каких обстоятельствах не проиграет Бо Хуаю дважды.

Ни за что на свете.

Уязвленное самолюбие баловня судьбы вкупе с упрямым мужским азартом взяли верх. Не выдержав череды столь наглых выпадов, Цзянь Сунъи злорадно хмыкнул и во всеуслышание озвучил клятву, о которой впоследствии пожалеет больше всего на свете:

— Слышь, Дедушка Бо, а ты у нас, оказывается, крутой. Первый альфа Наньвая, так? Отлично. Тогда слушай меня внимательно: двум альфам в этой школе не ужиться. Клянусь, если я не заставлю тебя признать поражение и убраться отсюда с позором, я откажусь от статуса альфы!

<http://bllate.org/book/20583/2131046>